

КАК СОЗДАЮТСЯ ЗЛОДЕИ



18+

Ольга Гридина

Как создаются злодеи

<https://litres.ru/74425433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делает человека чудовищем: собственный выбор или чужая воля?

Илларион никогда не стремился к власти и едва умеет пользоваться собственной магией. Он добр и совершенно не похож на человека, которого однажды будут проклинать целые поколения. Единственное, что отличает его от остальных, — осколок первозданной Истории, сила которого способна изменить саму реальность. Правда, сам Илларион пока не знает ни того, чем владеет.

Саэлина умеет обращаться с памятью и переписывать прошлое. Она давно перестала делить свои поступки на правильные и неправильные, потому что у неё есть цель куда важнее чужих жизней. Чтобы разрушить ложь, на которой был построен их мир, ей нужен тот, кого однажды назовут Врагом Мира.

И этим человеком должен стать Илларион. Теперь ей предстоит отнять у него всё, что заставляет его оставаться таким, и шаг за шагом превратить в человека, которым он никогда не хотел быть.

Но невозможно сломать чужую жизнь и остаться прежней самой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Гридина

Как создаются злодеи

Глава 1

Саэлина бежала.

Книгу она прижимала к боку одной рукой, и с каждым шагом та норовила выскользнуть из пальцев. Тяжелая, в толстой кожаной обложке, она была слишком велика, чтобы удобно держать ее одной рукой, но остановиться и переложить Саэлина не могла. Пальцы уже сводило от напряжения. Металлические уголки впивались в ладонь.

Позади раздался крик.

— Стой!

Она усмехнулась, не оборачиваясь. Будто после этого она действительно остановится.

Саэлина свернула за угол и едва не врезалась в телегу, нагруженную пустыми ящиками. Возница что-то заорал ей вслед. Она проскользнула между телегой и стеной, зацепила плечом мокрый камень и снова вылетела на улицу. Здесь было многолюднее. Отлично. Она влилась в толпу.

Люди ругались, шарахались в стороны. Кто-то схватил ее за рукав, когда она протиснулась между двумя женщинами с корзинами, но Саэлина выдернула руку. В воздухе смеша-

лись запахи дыма, мокрой шерсти, пряностей и горячего хлеба. Над головами прохожих покачивались вывески лавок, натянутые между домами веревки с бельем почти закрывали небо.

Еще один крик раздался уже значительно ближе. Она все-таки оглянулась.

Ошибка.

Из переулка показались трое. Черные плащи сразу выделяли их среди серых и коричневых одежд горожан. Первый уже откинул капюшон. Саэлина узнала его и выругалась себе под нос.

Конечно. Из всех людей, которых Архив мог отправить за ней, они послали именно Тарвена. Он встретился с ее взглядом и на этот раз кричать не стал. Просто ускорился.

— Вот же дрянь.

Саэлина прижала книгу к груди и побежала быстрее.

Она знала этот город. По крайней мере, ту его версию, которая существовала сегодня. До северной стены оставалось меньше двух кварталов. Главное — добраться до нее раньше Тарвена.

Она перескочила через низкую ограду, срезая путь через чей-то двор. Под ногами захрустели осколки глиняных горшков. В окне мелькнуло испуганное лицо. Залаяла собака. Впереди возвышалась стена. Старая, почти черная от дождей, она отделяла верхний город от кварталов у реки. Когда-то здесь проходила настоящая городская граница, но

столица давно разрослась, проглотив собственные укрепления. Теперь в стене прорубили ворота, построили лестницы и пристроили к ней дома.

Саэлине ворота были не нужны. Она метнулась в узкий проход между красильней и заброшенной мастерской.

Тупик. Именно то, что нужно. Здесь пахло сыростью и старым деревом. В нескольких шагах перед ней поднималась глухая каменная стена. Саэлина бросила быстрый взгляд назад.

Пока пусто.

Она сунула руку под плащ. Хроноключ отозвался холодом еще до того, как ее пальцы сомкнулись вокруг него.

Саэлина вытащила небольшую пластину из почти черного металла. Три тонких кольца лежали одно в другом, а в самом центре застыла серебряная игла. По краям металла шли крошечные насечки. Большинство людей приняли бы их за украшение. Большинство людей вообще никогда не видели хроноключа. И это было к лучшему. Если ты владеешь хроноключом, значит, что ты принадлежишь Архиву, а это само по себе, по мнению Саэлины, являлось тем еще наказанием.

Девушка прижала пластину к стене.

Ничего.

— Давай.

Она повернула внешнее кольцо.

Щелк.

Второе.

Еще один щелчок.

Игла дрогнула.

Саэлина задержала дыхание.

Послышались шаги.

— Только бы сработало.

Слова сорвались с губ раньше, чем она успела подумать.

Саэлина замерла, а потом тихо рассмеялась. Прекрасно. Не хватало еще начать молиться. Интересно только кому. В Архиве хранились сведения о трехстах семнадцати божествах, которым люди поклонялись за последние четыре тысячи лет. Девяносто два из них обещали спасение верующим. Сорок одно требовало жертв. Семь якобы лично являлись смертными. Доказательств существования хотя бы одного Саэлина пока не встречала, так что рассчитывать придется, как обычно, на себя.

Она повернула последнее кольцо. Игла резко качнулась влево.

— Есть.

Камень под хроноключом дрогнул. По стене побежала тонкая черная линия.

Она спустилась вниз, затем вверх, очерчивая неровный прямоугольник высотой примерно с дверь. Камень внутри него потемнел. На мгновение Саэлина увидела собственное отражение — размазанное, словно на поверхности воды, а потом вместо стены перед ней оказался лес. Высокие деревья, освещенные ярким солнцем и окруженные зеленью и

цветами.

Это то самое место, где он и скрывался? «Странный выбор», подумала девушка, но времени сомневаться не было. Саэлина схватила хроноключ и шагнула вперед.

Мир вывернуло наизнанку. Она ненавидела переходы. После них оставались отвратительный привкус желчи во рту и головокружение. На мгновение исчезли и звук, и свет, и ощущение собственного тела. Потом все вернулось в прежнее состояние. Саэлина вывалилась из прохода и едва удержалась на ногах. За спиной что-то хлопнуло.

Она обернулась. Никакой стены. Перед ней стоял огромный дуб. На его коре еще несколько секунд виднелась черная линия, но вскоре исчезла и она. Саэлина спрятала хроноключ в карман черного плаща и только тогда позволила себе осмотреться.

Тишина.

После города и долгой погони, что продолжалась с центра Астралиона, она казалась неестественной. Не было телег. Криков торговцев. Колоколов с башен. Скрипа колес по мостовой. Только ветер шевелил кроны.

Она стояла посреди леса. Там, где несколько мгновений назад находился один из самых густонаселенных кварталов столицы.

Саэлина подняла голову. Между деревьями виднелась башня. Нет. Не башня. Ее основание. Несколько огромных каменных блоков торчали из земли на вершине холма. Стро-

ители только начали укладывать первый ряд.

Саэлина улыбнулась. Значит, ключ не ошибся.

Сто восемьдесят семь лет назад.

Она была здесь однажды.

Только тогда на месте леса уже стояли первые дома, а вокруг башни возвышались строительные леса. Через девятнадцать лет ее закончат. Через сорок три она станет резиденцией королевского советника. Через сто двенадцать в ее подвале задушат последнего представителя дома Эверн. А еще через семьдесят пять лет Саэлина несколько минут назад пробежит мимо нее с украденной книгой в руках.

История любила строить поверх собственных костей.

Она снова побежала. Земля под ногами была мягкой после дождя. Ветки цеплялись за плащ. Один раз Саэлина поскользнулась на мокрых листьях и едва не выпустила книгу. Это заставило ее остановиться. Всего на секунду. Она позволила бросить себе взгляд на ценную добычу. Всего один. Интересно же, с чего весь сыр бор и почему Совет и Корректоры так рьяно прятали ее в центре Архива.

Обычная коричневая кожа. Потемневшие металлические уголки. Ни названия, ни герба Архива, ни даже номера. Из-за этой книги сейчас, вероятно, перекрывали все известные переходы. Из-за нее Тарвен лично гнался за Саэлиной через поток времени. И если он поймает ее...

Она крепче сжала переплет. Нет. Этого никогда не случится.

Вдалеке послышался металлический щелчок. Саэлина подняла голову.

— Быстро же.

Черная линия уже ползла по стволу дуба позади нее. Конечно, они последовали за ней. Она и не рассчитывала, что переход их остановит.

Каждый Хранитель Архива носил собственный хроноключ. Без него их работа была бы бессмысленна. Нельзя доподлинно записывать историю, полагаясь на рассказы тех, кто ее пережил. Люди лгали. Забывали. Преукрашивали. Иногда просто ошибались.

Поэтому Хранители смотрели сами.

Они присутствовали при коронациях, которых еще не было. Наблюдали за войнами, закончившимися за столетия до их рождения. Стояли среди толпы во время казней, эпидемий, свадеб и восстаний и возвращались в Архив, чтобы записать увиденное.

Так, как оно произошло.

По крайней мере, именно этому учили учеников. Корректоров учили другому.

Саэлина посмотрела на книгу. Историю можно наблюдать. Историю можно записывать. А иногда историю приходится исправлять.

За ее спиной треснула кора. Проход открывался. Она побежала. Лес быстро редел. Между деревьями показалось поле, за ним — дорога. Никакой каменной мостовой. Только

две глубокие колеи в грязи.

Саэлина спустилась по склону и перебежала дорогу. Впереди виднелись крыши. Она нахмурилась. Деревня? Ее здесь не должно быть. Саэлина замедлилась. Конечно же, была. Она вспомнила карту. Деревня исчезнет во время Северного моря. Кажется, через двадцать восемь лет. Или двадцать девять.

Она раздраженно покачала головой. Нужно было внимательнее слушать лекции по городской истории.

Сзади донесся треск.

— Саэлина!

Она снова сорвалась с места.

Первый переход ей несколько минут, не больше. Второй должен обеспечить ей больше времени форы.

Саэлина достала хроноключ на бегу. Ей нужна была поверхность, камень или стена. Дерево тоже подходило, но хуже. История почему-то легче держалась за камень. Один из преподавателей когда-то посвятил этому целую лекцию. Саэлина благополучно проспала половину.

Она огляделась. Дома были деревянными. Сооружения вокруг них тоже.

— Прекрасно.

Электрический шар ударил в землю в двух шагах от нее. Однажды Саэлина наткнулась на книгу про достижения человечества на начальных этапах формирования цивилизации, и там было задокументировано, что электричество было

одним из великих достижений, и если кому-то приходилось ощутить его действие на себе, то это заканчивалось довольно печально. Но это было до формирования Архива Времени. Всему старому нашли новое применение. Теперь электричество использовали затем, чтобы обездвигить, потенциальных нарушителей или же Теневых Архивариусов.

Обездвигить или убить, не важно, Саэлина не могла допустить ни один из этих вариантов.

Она резко изменила направление. Второй шар пролетел в дюйме от правого плеча. Она уклонилась влево. У дороги стоял колодец. Каменный. Сойдет. Она подбежала к нему, практически впечаталась ладонью в холодные камни и прижала хроноключ.

Внешнее кольцо.

Щелчок.

Среднее.

Снова.

— Давай.

Позади приближались шаги.

Игла не двигалась.

— Только не сейчас.

Она повернула внутреннее кольцо.

Ничего.

Саэлина выругалась.

Слишком далеко.

Она потребовала от ключа слишком большой прыжок.

Хроноключи не любили расстояний. Ни тех, что измерялись милями, ни тех, что измерялись столетиями, но возвращаться она не собиралась. Саэлина повернула кольцо еще на одно деление.

Игла задрожала.

— Саэлина!

Теперь совсем близко. Она обернулась. Тарвен выбежал из-за последнего дома. Их разделяло шагов тридцать. Он остановился, но не потому, что устал. В его руке блеснул собственный хроноключ, в другой — электрический крюк. Других преследователей видно не было. Оно и понятно. Тарвен славился своей скоростью передвижения и быстрыми реакциями. Остальные за ним попросту не успевали.

Он замедлился. Чувствовал свою победу.

— По приказу Архива я вынужден доставить тебя к Совету, чтобы она оценили твои поступки и вынесли свое решение. Ты должна пойти со мной, чтобы понести наказание. Положи книгу на землю и отойди от нее.

Саэлина посмотрела на него, потом на книгу. Не смотря на ситуацию, улыбка медленно появилась на ее лице. Значит, она попала в точку. ЭТО то, что заставит весь Архив, да что там Архив, весь Астралион, содрогаться. А это именно то, что ей было нужно. Чтобы весь мир дрожал.

— Нет.

Выражение лица Тарвена не изменилось. Он все еще верил в свою победу. Их разделяло пятнадцать шагов.

Игла хроноключа ударилась о край.

Камень под ладонью почернел.

Тарвен рванулся к ней.

— Саэлина!

Она шагнула в стену. Мир исчез. На этот раз падение было хуже. Она ударилась коленом о землю, перекатилась через плечо и несколько секунд просто лежала, пытаясь заставить легкие снова работать. В ушах звенело. Во рту чувствовался вкус крови.

— Ненавижу эту дрянь, — пробормотала она.

Ответа, к счастью, не последовало.

Саэлина поднялась. Колодца не было. Деревни тоже. Она стояла на склоне холма. Внизу простирался город, ну или то, что через столетия станет называться городом, а пока это небольшое поселение. Деревня, уточнили бы древние писмена в Архиве.

Белые стены спускались к реке. Над крышами возвышались тонкие башни с синими куполами. На другом берегу еще не существовало дворца. Вместо него стояла небольшая крепость, окруженная садами.

Саэлина несколько секунд смотрела вниз, потом достала из внутреннего кармана сложенный лист и развернула. Сверилась с описанием и впервые с того момента, как украла книгу, перестала улыбаться.

Она пришла правильно.

За четыреста двадцать восемь лет до своего рож-

дения.

Где-то там, среди сотен людей, которые еще не знали, что однажды станут строчками в Архиве, находился тот, ради кого она все это затеяла.

Саэлина перевела взгляд на книгу. Именно поэтому ее преследовали. Не потому, что она ее украла. Даже не потому, что открыла запрещенный переход, а потому, что в этой книге была записана история человека, которого не должно было существовать еще несколько столетий.

Человека, чье имя в Архиве разрешалось произносить только Хроникам и никому больше.

Человека, которого спустя века назовут Врагом Мира.

Глава 2

Саэлина некоторое время смотрела на город внизу. Если это вообще можно было назвать городом. С высоты поселение казалось россыпью светлых крыш, случайно брошенных вдоль реки. Несколько десятков домов теснились у воды, дальше постройки становились реже и постепенно уступали место полям. За ними темнела полоса леса. Ни стен, ни сторожевых башен, ни даже нормальной дороги, ведущей к воротам.

Потому что ворот тоже не было.

Саэлина нахмурилась.

И ради этого она едва не сломала себе шею при переходе через четыре столетия?

Книга все еще была прижата к ее боку. Она посмотрела на нее. До этого ей было не до разглядываний. Несколько минут назад главным достоинством книги было лишь то, что она находилась в ее руках, а не в запертом хранилище Архива. Теперь же Саэлина медленно провела большим пальцем по переплету.

Коричневая кожа. Потертая настолько, что на сгибах проступил более светлый слой. Металлические уголки. Две застежки, одна из которых закрывалась чуть хуже другой. Никаких драгоценных камней, печатей Совета или защитных рун, которыми так любили украшать документы, представ-

лявшие хотя бы малейшую ценность. Даже название отсутствовало. Безобидный сборник старых страниц.

Если положить его среди сотни других книг, Саэлина прошла бы мимо. И все же именно из-за него сейчас несколько Хранителей, вероятно, прыгали из одного слоя истории в другой, пытаясь вычислить, куда она отправилась.

Саэлина огляделась. Стоять посреди открытого склона было глупо. Чуть выше росло старое дерево с толстым, искривленным стволом. Его корни выпирали из земли, образуя нечто похожее на естественную скамью. Не слишком удобно, зато отсюда просматривалась дорога. Сойдет. Она поднялась к дереву, села на один из корней и положила книгу на колени.

— Посмотрим, из-за чего столько шума.

Застежка щелкнула. Саэлина замерла. Ничего. Ни вспышки. Ни защитного заклятия. Ни попытки откусить ей пальцы. Даже немного разочаровывающе. Она открыла обложку.

Первая страница оказалась почти пустой. Несколько строк, номер архивного фонда и большая черная печать, перечеркнутая красной полосой. Саэлина знала эту отметку.

Закрытая хроника. Доступ первого порядка.

За одно только несанкционированное чтение такого документа можно было лишиться должности. За кражу — свободы. За использование содержащихся в нем сведений для вмешательства в зафиксированную историю... Саэлина перевернула страницу. Будет неприятно. Разбираться с последствиями она собиралась тогда, когда они ее догонят. Если

догонят. На следующей странице стояло имя.

Илларион.

Ниже — номер хронологической линии и несколько рядов обозначений, понятных только тем, кто хотя бы несколько лет провел в Архиве. Саэлина быстро пробежалась по ним глазами. Год. Период. Континент. Королевство. Поселение. Вот оно. Она сверилась с местностью. Правильно. Даже прыжок оказался почти точным. Для четырех столетий погрешность в несколько миль можно было считать маленьким чудом.

Саэлина перевернула страницу. Возраст. Рост. Цвет волос. Цвет глаз. Особые приметы. Она раздраженно повела пальцем вниз. Неважно. Еще одна страница. Телосложение. Предполагаемое состояние здоровья. Несколько старых повреждений. Шрам на...

— Да плевать.

Она перевернула сразу две.

Ей не требовалось описание Иллариона. Она знала его лицо. Его знали все, кто когда-либо работал в Архиве. Портреты Иллариона хранились в нескольких залах. В учебном корпусе одно из его изображений висело напротив кафедры исторических катастроф. Молодой мужчина с темными волосами и легкой улыбкой смотрел с него куда-то в сторону, будто происходящее вокруг интересовало его гораздо меньше, чем художника.

Были и другие изображения. Поздние, на них он уже вы-

глядел иначе. Саэлина предпочитала именно их. Особенно последний портрет, сделанный незадолго до Падения. На нем Илларион уже не улыбался.

Его имя детям давным-давно не давали. Историки спорили о количестве смертей, которые следовало приписывать непосредственно ему, а какие считать последствиями его решений. В некоторых государствах сохранился обычай плевать через левое плечо при упоминании Врага Мира.

Так что нет.

Цвет его глаз Саэлину совершенно не интересовал. Ей нужно было понять, **где его искать**.

Она листала быстрее. Вот. Саэлина остановилась и нахмурилась. Перечитала. Потом еще раз.

— Вы издеваетесь?

Она ожидала увидеть адрес. Название улицы. Дом. Имя отца. Место работы. Хотя бы что-нибудь, что можно было использовать. Вместо этого посреди страницы стояло предупреждение:

ТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЪЕКТА ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ НЕ ПОДДАЕТСЯ.

Ниже шел комментарий Хранителя. Саэлина наклонилась ближе.

При попытке прямого наблюдения обнаружено нарушение хронологической привязки. В непосредственной близости от объекта стандартный хроноключ перестает определять направление временной линии. Первичное отклонение

наблюдается приблизительно в сорока шагах.

Она медленно выпрямилась. Вот как. Стало интереснее. Саэлина продолжила читать.

При сокращении расстояния стрелка движется против хода делений независимо от установленной даты. Причина явления неизвестна.

Последнее предложение было добавлено другими чернилами.

Предположительно связано с фрагментом первоизданной Истории.

Саэлина задержала на нем взгляд. Вот ради этих нескольких слов книга и хранилась там, куда без разрешения Совета не допускали даже Корректоров.

Фрагмент первоизданной Истории.

Она знала теорию. Все ее знали. До появления Архива мир уже однажды пережил Коррекцию, настолько огромную, что никто не мог сказать, кто ее совершил. От прежней истории практически ничего не осталось. Лишь отдельные события, имена и места, которые почему-то не подчинились изменениям.

Осколки того, что когда-то было правдой. Первоизданная История. Большинство ученых считали их метафорой. Саэлина — нет. По крайней мере, теперь.

Она захлопнула книгу. Где-то далеко прокричала птица. Саэлина посмотрела на склон, по которому только что пришла. Тишина, но это ненадолго. Она выиграла время, но не

свободу.

Тарвен видел направление ее последнего перехода. Чтобы восстановить точную дату, ему придется повозиться с остаточным следом хроноключа, но он справится. Если не он, то кто-нибудь из остальных. У нее есть час. Возможно, два. Если ей невероятно повезет — три. Этого было достаточно.

Саэлина встала, сунула книгу под мышку и посмотрела на поселение. Значит, искать дом не придется. Нужно искать человека, рядом с которым ломается время. Это хотя бы звучало весело.

Она начала спускаться.

Первое, что Саэлина заметила, — свет. Он раздражал.

Не потому, что был слишком ярким. Наоборот. Солнце висело довольно низко, и его лучи ложились на поля мягкими золотистыми полосами. Они цеплялись за верхушки высокой травы, блестели на воде и нагревали кожу.

Именно последнее заставило ее насторожиться. Саэлина остановилась. Подняла руку. Посмотрела на собственные пальцы. Свет лежал прямо на коже. Она инстинктивно ждала знакомого покалывания, но ничего не произошло. Через несколько секунд по-прежнему ничего. Она осторожно оттянула рукав и подставила солнцу запястье. Тепло. Саэлина неожиданно усмехнулась. Она читала об этом. Разумеется, читала.

До Третьего Затемнения солнечный свет считался без-

опасным. Люди могли часами находиться под открытым небом без защитных тканей, мазей и нейтрализующих амулетов. Старые тексты даже упоминали какую-то моду намеренно лежать под солнцем, чтобы кожа становилась темнее.

Саэлина всегда считала это одной из тех исторических подробностей, которые Хранители записали неправильно. Теперь она стояла под настоящим солнцем четырехсотлетней давности и чувствовала лишь приятное тепло. Странно.

В Архиве солнца не было. Огромный комплекс существовал вне устойчивой временной линии, и даже не все Хранители могли объяснить, где именно он находился. Над внутренними дворами горел искусственный свет, холодный и неподвижный. Он не менялся с сезонами. Не исчезал за облаками. Не грел кожу. Там вообще мало что менялось. Одни и те же серые стены, длинные галереи и часы, отсчитывающие время, которое за пределами Архива могло идти совершенно иначе. Даже воздух там пах одинаково: пылью, металлом, старой бумагой и составом, которым пропитывали страницы, чтобы те переживали переходы.

Здесь воздух пах травой. Саэлина вдохнула глубже. Травой, водой, влажной землей и чем-то сладким, цветущим неподалеку. Она не сразу поняла, насколько привыкла к отсутствию запахов.

Путь до поселения был длиннее, чем казался с первого взгляда. Дорога постепенно спускалась к реке. Земля под ногами становилась плотнее, появились следы колес и лоша-

диных копыт. Навстречу ей проехала телега, доверху нагруженная мешками. Старик на козлах посмотрел на Саэлину. Она автоматически напряглась. Его взгляд задержался на ее одежде. Разумеется. Плащ Корректора четыреста лет назад еще не существовал, а сапоги наверняка выглядели слишком хорошо для одинокой путешественницы.

Саэлина приготовилась к вопросам. Старик просто поднял руку.

— Добрый день!

И проехал дальше. Она проводила его взглядом.

— Станный.

Через несколько шагов ей встретилась женщина с двумя детьми. Женщина тоже улыбнулась. Саэлина нахмурилась. Что здесь со всеми не так?

Река оказалась шире, чем она ожидала. Вода медленно двигалась между заросшими берегами, отражая небо так отчетливо, что на мгновение казалось, будто между двумя полосами земли лежит еще одно небо. Через нее был переброшен деревянный мост на каменных опорах.

Саэлина ступила на доски. Под ногами глухо застучало. Она невольно посмотрела вниз. Настоящая река. Не канал охлаждения под восточным крылом Архива, резервуар, заключенный между каменными стенами и одна из искусственных водных систем, где течение определяли механизмы. Просто вода, которая текла туда, куда ей полагалось. В ней даже плавали дети. Саэлина остановилась. Трое мальчи-

шек бросились с берега прямо в реку. Один исчез под водой с головой. Она уже сделала шаг к краю моста, когда тот вынырнул, отплевываясь и смеясь.

Остальные засмеялись вместе с ним. Саэлина медленно опустила руку. Совершенно бессмысленное занятие. Она пошла дальше. За мостом начиналась деревня.

Теперь, оказавшись внутри, Саэлина окончательно решила, что называть это городом было слишком щедро. Одна широкая улица. Несколько переулков.

Дома в два этажа считались здесь, вероятно, архитектурным достижением. Нижние части стен складывали из светлого камня, верхние — из дерева. Крыши покрывали черепицей, а кое-где еще соломой. Окна были распахнуты. Вот это удивило ее больше всего. В Архиве окна не открывались. Технически некоторые даже не являлись окнами. А здесь люди совершенно спокойно впускали внутрь ветер, насекомых, пыль, солнечный свет и, судя по запаху с соседнего двора, навоз.

Мда. Великолепная эпоха.

Саэлина прошла дальше. Народу становилось больше. У небольшой площади торговали овощами, тканями и хлебом. Из открытой двери доносился звон металла. Женщина встряхивала ковер прямо из окна второго этажа. Кто-то спорил о цене яблок. Девочка бежала по улице с деревянным обручем.

Саэлина уворачивалась от людей. Безуспешно. Кто-то за-

дел ее плечом. Она резко обернулась.

— Смотреть надо.

Мужчина, уже прошедший несколько шагов, остановился. Девушка ожидала раздражения. Вместо этого он улыбнулся.

— Прошу прощения.

И пошел дальше. Она посмотрела ему вслед. Через несколько секунд в нее врезалась девочка. На этот раз Саэлина едва удержала книгу.

— Ты...

— Простите!

Девочка широко улыбнулась и убежала.

Саэлина стиснула зубы. Ей начинало не нравиться прошлое. Она крепче перехватила книгу. Некогда злиться на этих ненормальных. Хранители могли появиться в любой момент. Стоит поторопиться.

Впрочем, стоило ей пройти еще несколько шагов, как стало ясно: не все здесь были настолько радушными.

У стены одного из домов стояли двое мужчин. Они не разговаривали и не улыбались, лишь молча провожали ее взглядами. Чуть дальше пожилая женщина, раскладывая зеленень на прилавке, перестала заниматься своим товаром и тоже посмотрела на Саэлину. Когда их глаза встретились, женщина поспешно отвернулась.

Вот это уже больше походило на нормальных людей.

Чужая одежда, незнакомое лицо, книга под мышкой — причин для подозрений у местных было достаточно. В лю-

бой эпохе находились те, кто встречал незнакомцев улыбкой, и те, кто предпочитал сначала убедиться, что незнакомец не собирается их ограбить.

Саэлине было все равно.

Пусть смотрят.

Она сунула свободную руку под плащ и достала хроноключ.

Стрелка спокойно смотрела на установленное деление. Она пошла дальше. Ничего. У пекарни. Возле кузницы. На площади она остановилась. Если верить книге, первые отклонения должны начаться примерно за сорок шагов. Саэлина медленно повернулась. Десятки лиц. Старик у овощного прилавка. Две женщины возле колодца. Мальчик с корзиной. Высокий мужчина в кожаном фартуке. Девушка, несущая цветы. Она посмотрела на стрелку. Та не двигалась.

— Где же ты?

Саэлина двинулась дальше. Десять шагов. Двадцать. Стрелка дрогнула. Она остановилась и посмотрела на нее. Ничего. Показалось? Саэлина нахмурилась. Еще шаг. Стрелка качнулась влево. Не по направлению установленной даты.

Против нее.

Она повернула в ту сторону, но стоило пройти еще несколько шагов, как стрелка остановилась. Еще через пять она медленно вернулась к исходному делению.

— Издеваешься.

Пришлось возвращаться. Саэлина обошла площадь по

кругу, то ускоряя шаг, то внезапно останавливаясь посреди людского потока. Несколько раз на нее недовольно шикнули. Кто-то снова задел плечом. Она не обратила внимания.

Хроноключ молчал. Она свернула в первый проход между домами. Узкий переулок вывел ее к небольшому двору, где женщина развешивала белье, а двое детей пытались поймать курицу. Стрелка даже не дрогнула. Саэлина вернулась.

Следующий проход оказался шире. Здесь стояли дома побогаче, с каменными первыми этажами и деревянными галереями наверху. В конце виднелся небольшой сад. Ничего.

Она прошла его до конца и снова вернулась к площади. Время уходило. И чем дольше хроноключ оставался неподвижным, тем сильнее раздражение уступало место куда более неприятному чувству. Сомнению. Саэлина остановилась возле колодца. А что, если она ошиблась?

Переход был слишком длинным. Хроноключ едва его выдержал. Она могла промахнуться не только на несколько миль, но и на несколько лет. Одно неверно выставленное деление — и Илларион сейчас либо был ребенком, либо вообще еще не родился.

Прекрасно.

Она уже потянулась к книге. Придется снова свериться с Хроникой. Найти тихое место, проверить координаты, дату, номер линии...

Саэлина подняла голову и только тогда заметила тропинку. Она начиналась за последним рядом домов и уходила в

сторону леса. Не дорога — просто узкая полоса утоптанной земли, которую отсюда почти полностью скрывали высокая трава и кустарник, а дальше стояли дома. Саэлина прищурилась.

Они располагались в стороне от остальной деревни, будто кто-то вспомнил о них уже после того, как поселение было построено. Три крыши она видела отчетливо. Возможно, за деревьями скрывались еще одна или две. За ними сразу начинался лес.

Она медленно отпустила застежку книги. Возможно, еще не все потеряно. Саэлина направилась к тропе. Чем дальше она уходила от площади, тем тише становилось вокруг. Голоса торговцев постепенно растворялись за спиной. Исчез звон кузнечного молота. Даже запах хлеба сменился запахом нагретой травы и хвои.

Она снова достала хроноключ. Металл приятно охлаждал ладонь. Стрелка стояла неподвижно. Саэлина шла.

Проверила возле первого дома, но безуспешно. Возле него на перевернутой бочке сидел старик и что-то напевал, стуча палкой по земле. Он поднял голову, когда она прошла мимо, но ничего не сказал.

Второй дом. Стрелка не двигалась.

Саэлина начала подозревать, что через несколько минут все-таки придется открыть книгу. Она сделала еще несколько шагов.

Щелк. Саэлина остановилась и посмотрела на хроноключ.

Стрелка дрогнула. Совсем немного. Отошла от установленного деления и застыла. Девушка сделала шаг вперед. Стрелка дернулась снова уже отчетливее. Саэлина медленно повернулась направо и пошла уверенным шагом. Отклонение усилилось.

Раз.

Еще.

Еще.

Стрелка уже не пыталась вернуться на место. Она вращалась назад, перескакивая через деления. Саэлина почувствовала, как уголок губ сам собой пополз вверх.

Нашла.

Где-то совсем рядом находился человек, ради которого она украла закрытую Хронику, нарушила половину законов Архива и сбежала на четыреста двадцать восемь лет в прошлое.

Теперь оставалось увидеть его. Саэлина огляделась и увидела третий дом, что стоял дальше остальных.

Илларион. Странное имя.

Она никогда об этом не задумывалась. Для нее оно всегда существовало рядом с войнами, сожженными городами и количеством погибших. Имя из учебников. Имя на запечатанных документах. Имя, которое Хранители произносили вполголоса, будто человек, умерший несколько веков назад, все еще мог их услышать.

Но сейчас оно принадлежало кому-то живому.

Кому-то, кто находился в нескольких десятках шагов от нее и пока понятия не имел, что однажды его лицо будет висеть в залах Архива.

Саэлина медленно двинулась туда, куда указал хроноключ. Сейчас он был просто Илларионом. Никому не известным человеком из никому не интересной деревни. Ненадолго. Пройдет время, и его настоящее имя почти забудут. У него появится другое. И в ее силах было приблизить этот момент.

Глава 3

Стрелка сделала еще один полный оборот, и Саэлина остановилась, потому что дальше идти было практически некуда. Тропинка вывела ее к последнему дому перед лесом. За ним уже начинались деревья, а узкая колея уходила куда-то между соснами.

Она подняла глаза.

Дом оказался на удивление приятным. Небольшой, деревянный, в один этаж, с покатой крышей, под которой темнел чердак. Время уже успело пройти по нему: доски возле земли почернели от сырости, на одной из ставен не хватало нижней планки, а две ступеньки у крыльца заметно просели. И все же за домом явно следили. Щели между досками были аккуратно заделаны, под окном стоял ящик с мелкими желтыми цветами, а у стены ровными рядами была сложена небольшая поленница.

Здесь не было ни забора, ни охраны, ни каких-либо следов того, что в этом доме жил человек, которому однажды потребуется несколько страниц в Хронике только для перечисления уничтоженных им городов.

Справа от дома стояла небольшая пристройка, передняя стена которой откидывалась наружу и превращалась в широкий прилавок. На нем были расставлены деревянные фигурки: лошади, птицы, человечки и крошечные домики. С края

свисало несколько игрушек на нитях. Ветер покачивал их, и деревянные детали тихо постукивали друг о друга.

Возле лавки стояла скамья, на которой сидел мужчина.

Саэлина невольно задержала дыхание.

Несколько секунд она просто смотрела на него, после чего опустила взгляд на хроноключ. Стрелка продолжала вращаться.

Она снова посмотрела на мужчину.

Не может быть.

После всего, что Саэлина читала об Илларионе, после портретов в Архиве и рассказов о Враге Мира она ожидала увидеть кого угодно, но точно не этого человека.

Мужчина сидел, вытянув ноги перед собой, и сосредоточенно вырезал что-то из небольшого куска дерева. Его пальцы двигались медленно и аккуратно. Время от времени он останавливался, поворачивал заготовку, рассматривал ее и снова принимался за работу.

Рядом со скамьей к стене была прислонена длинная деревянная палка.

Саэлина прищурилась. Возможно, она предназначалась для того, чтобы бить людей, и эта мысль немного улучшила ситуацию. Однако, присмотревшись внимательнее, Саэлина поняла, что ошиблась. Палка была слишком гладкой, а ее верхняя часть оказалась отполирована постоянными прикосновениями.

Это была трость.

Прекрасно. Будущий Враг Мира еще и хромал.

Саэлина убрала хроноключ и быстро вытащила книгу. Перелистнув несколько страниц, она нашла раздел, который видела раньше, и пробежалась глазами по списку особых примет.

Шрам.

Она снова подняла голову.

Мужчина как раз перевернул деревянную фигурку, и солнечный свет упал на его правую руку. Тонкий светлый шрам пересекал тыльную сторону ладони от основания большого пальца почти до запястья.

Саэлина медленно закрыла книгу.

Это был он, и никакой ошибки быть не могло. Однако подходить она не спешила. Впервые с момента появления в прошлом Саэлина почувствовала что-то похожее на осторожность.

Она прекрасно знала, чем станет этот человек и на что однажды окажется способен. Конечно, между мужчиной, спокойно сидевшим на скамье, и человеком из Хроники лежали годы, столетия, однако Саэлина понятия не имела, когда именно в нем впервые проявилась настоящая сила.

Что, если она уже проснулась?

Мысль была неприятной, поэтому Саэлина сделала шаг назад, оставаясь среди деревьев. Отсюда можно было рассмотреть его лучше, и чем дольше она смотрела, тем абсурднее становилась ситуация.

Он был не просто худым, а почти шуплым. Узкие плечи, тонкие запястья и полное отсутствие даже намека на мышцы никак не соответствовали ее представлениям о будущем Враге Мира. Одежда висела на нем свободнее, чем следовало, а вытянутые перед скамьей ноги казались такими тощими, что Саэлина невольно снова посмотрела на трость.

Волосы у него были светлыми, почти до плеч, распущенными и растрепанными ветром. Несколько прядей постоянно падали на лицо, но Илларион лишь время от времени сдвигал их и продолжал работать. Похоже, собственная внешность интересовала его примерно так же, как Саэлину история местной мельницы. На подбородке темнела короткая небрежная щетина.

Он был моложе, чем на большинстве известных ей изображений, и совершенно не производил впечатления человека, способного разрушить мир.

Саэлина нахмурилась.

Возможно, именно в этом и заключалась проблема. Она слишком хорошо знала конец его истории и почти ничего не знала о начале, поэтому действовать сразу было нельзя. Это было первым правилом хорошего Корректора: никогда не исправлять событие, которого не понимаешь.

Одно неосторожное вмешательство могло породить десятки новых ответвлений. Стоило убрать одного человека с дороги, и через тридцать лет мог не родиться кто-то другой. Можно было предотвратить убийство, а затем обнаружить,

что спасенный человек начал войну. Иногда хватало опоздания на несколько минут, чтобы двое людей, которым полагалось встретиться, никогда друг друга не увидели.

Новички любили думать, что работа Корректора заключалась в изменении истории. Саэлина давно поняла, что изменить ее было как раз проще всего. Намного сложнее было добиться именно того результата, который тебе нужен. И сейчас ей требовалось не вмешиваться, а наблюдать и попытаться понять, на каком этапе находился Илларион.

Возможно, ей вообще не придется делать ничего сложного. Может быть, все необходимое уже произошло и этому тихому человеку с ножом в руках требовался лишь небольшой толчок. А может быть, придется сжечь всю проклятую деревню.

Саэлина посмотрела на дома и решила, что это будет досадно, но пережить подобную потерю она сможет.

Она отступила глубже в лес.

Времени у нее было немного, но пока его должно было хватить.

Следующие два дня оказались одними из самых скучных за последние несколько лет.

Саэлина почти не отходила от дома. В нескольких десятках шагов от лавки рос старый бук с раздвоенным стволом, за которым начинался небольшой подъем, заросший кустарником. Место оказалось почти идеальным: из деревни ее не было видно, зато она могла наблюдать и за домом, и за до-

рогой.

Первый день Саэлина провела там почти целиком, и Илларион ее так и не заметил.

Утром он открыл лавку, выставил на прилавок игрушки, подмел крыльцо, а затем долго сидел на скамье и вырезал из дерева маленькую птицу. Ближе к полудню пришла женщина с мальчиком, и Саэлина приготовилась наблюдать за происходящим. Однако женщина всего лишь купила лошадку и ушла. Через некоторое время появился старик. Он ничего не купил, зато некоторое время разговаривал с Илларионом. В какой-то момент тот засмеялся, и вскоре старик ушел.

После этого несколько часов не происходило вообще ничего.

Саэлина сидела за деревом и постепенно начинала подозревать, что величайшим преступлением Иллариона на данном этапе жизни было изготовление уродливых деревянных уток.

Работа Корректора приучила ее к выжиданию, хотя это вовсе не означало, что она обязана была его любить.

В Архиве ученикам показывали великие Коррекции, рассказывая о войнах, покушениях и переворотах. При этом почти никто не предупреждал, что значительная часть настоящей работы Корректора состояла в том, чтобы семь часов просидеть под дождем, ожидая, пока нужный человек наконец решит выйти из дома.

Саэлина умела ждать. Она могла обходиться несколькими

часами сна, пропустить пару приемов пищи и часами оставаться неподвижной, если того требовала работа. Когда не знаешь точного времени события, остается только постоянно находиться рядом.

Однажды она трое суток просидела в чулане дворца, ожидая разговора, который, согласно архивной записи, должен был изменить линию наследования. Сам разговор в итоге продлился четыре минуты. Так что Илларион со своими деревянными птицами был еще далеко не худшим заданием в ее жизни.

С едой оказалось сложнее. К вечеру первого дня желудок начал напоминать, что последний раз Саэлина нормально ела еще до кражи Хроники. Пришлось вернуться в деревню.

Покупать еду было не на что, поэтому она украла две булки с прилавка возле пекарни. Поступок был не самым достойным, но никаких особых душевных страданий по этому поводу Саэлина не испытывала. Одну булку она съела сразу, а вторую спрятала на завтра.

Ночевать пришлось в заброшенном сарае неподалеку от реки. Крыша протекала, сено пахло плесенью, а где-то в стене всю ночь что-то скреблось.

Хранители ее так и не нашли. Поначалу Саэлина считала это удачей, а к вечеру перестала.

Она лежала на старом сене, заложив руки за голову, и смотрела на дыру в крыше. Сквозь нее виднелся кусок ноч-

ного неба. Время от времени облака закрывали звезды, затем ветер уносил их дальше, и слабый свет снова проникал внутрь.

Тарвен должен был появиться еще несколько часов назад.

Саэлина слишком хорошо его знала, чтобы поверить, будто один неудачный переход заставил его потерять след. У него был ее остаточный хронологический отпечаток, собственный хроноключ и несколько Хранителей в помощь. Этого более чем достаточно, чтобы определить сначала направление перехода, затем временной слой, а после постепенно сузить область поиска. Кроме того, Архив наверняка уже определил, книгу какой Истории она взяла на время. И что-то тут не так.

Конечно, она усложнила им задачу. Первый переход был совершен на ходу, второй — почти сразу после него, а последний прыжок оказался настолько глубоким, что хроноключ едва его выдержал. Каждый новый разрыв смешивал остаточные следы предыдущего и заставлял преследователей заново восстанавливать последовательность перемещений.

Но задержать Тарвена и избавиться от Тарвена были совершенно разными вещами.

Саэлина повернулась на бок. Ей не нравилась тишина.

Будь на его месте кто-нибудь другой, она еще могла бы решить, что Хранители потеряли след, но Тарвен не терял следов. В этом и заключалась одна из самых раздражающих его особенностей. Значит, причин оставалось немного: либо

он столкнулся с проблемой, о которой она не знала, либо перестал спешить. Намеренно.

Второй вариант нравился Саэлине гораздо меньше.

Она не была настолько глупа, чтобы решить, будто успешно сбежала из Архива с закрытой Хроникой, прыгнула на четыреста двадцать восемь лет назад и теперь могла спокойно заниматься чем захочет. Архив не забывал украденное, а Хранители не прекращали преследование только потому, что беглецу удалось выиграть несколько часов.

Если они до сих пор не появились, значит, либо что-то задумали, либо что-то готовили. Возможно, уже знали, где она находится. Эта мысль заставила Саэлину приподняться. Несколько секунд она прислушивалась. За стеной стрекотали насекомые. Где-то далеко шумела река. Внутри сарая продолжало скрестись неизвестное существо, совершенно равнодушное и к Хранителям, и к судьбе мира.

Больше ничего.

Саэлина снова легла, но теперь положила хроноключ рядом с собой. Если Тарвен решил дать ей почувствовать себя в безопасности, его ждало разочарование.

Спала она не больше двух часов.

На рассвете Саэлина вернулась к дереву и продолжила наблюдать. Постепенно картина начала меняться, хотя сначала она замечала лишь мелочи.

Некоторые жители проходили мимо лавки, даже если дорога через нее была короче. Другие здоровались с Иллари-

оном, но делали это издалека. Несколько человек вообще предпочитали отворачиваться. Детям, напротив, было все равно, и это Саэлина заметила особенно быстро. Они приходили к Иллариону постоянно. Он чинил им сломанные игрушки, вырезал новые, а однажды подарил девочке маленькую деревянную лису, хотя ее мать, судя по выражению лица, совершенно этого не одобряла.

— Я сказала не ходить сюда.

Женщина схватила девочку за руку. Та попыталась что-то возразить, но мать оборвала ее:

— Домой.

Илларион ничего не сказал и лишь опустил взгляд на кусок дерева в своих руках. Саэлина прищурилась. Вот это уже было интересно.

На третий день она стала чаще уходить в деревню, и теперь причиной была не только необходимость найти еду. Люди оказывались удивительно полезными, если уметь молчать рядом с ними.

У колодца обсуждали соседей, а у пекарни, кажется, все остальное. К вечеру Саэлина уже знала, кто изменяет жене, чья дочь беременна и почему мельник третью неделю не разговаривает с кузнецом.

А затем она услышала имя Иллариона.

Саэлина остановилась у прилавка с яблоками. В нескольких шагах от нее разговаривали две женщины.

— Я тебе говорю, от него добра не будет.

— Да сколько можно? Уже полгода прошло.

— И что? Дом сам загорелся?

Саэлина взяла яблоко и сделала вид, что внимательно его рассматривает.

— Говорят, огонь прямо из рук пошел.

— Кто говорит?

— Видели.

— Кто?

Женщина на мгновение замялась.

— Люди.

Саэлина едва удержалась от усмешки. Более надежного источника информации трудно было представить.

На следующий день версия произошедшего изменилась. Возле кузницы она услышала, что Илларион разозлился на хозяина дома и поджег его намеренно. Через час мужчина у колодца уверял приятеля, что Илларион пытался сжечь вместе с домом человека. К полудню выяснилось, что внутри якобы находилась целая семья.

С каждым пересказом история становилась все интереснее.

Саэлина хорошо знала этот эффект, поскольку Архив существовал во многом именно из-за него.

Люди плохо хранили прошлое. Они добавляли к нему то, чего не было, выбрасывали неудобные подробности и заполняли неизвестное собственными догадками. Через десять лет воспоминание превращалось в рассказ, через пять-

десять становилось легендой, а через двести историки начинали спорить о том, существовал ли человек вообще. Именно поэтому Хранители не доверяли свидетельствам и предпочитали смотреть сами.

У Саэлины такой возможности не было, поэтому приходилось собирать историю по кусочкам. Постепенно из них сложилась совершенно другая картина.

Дом действительно горел, Илларион действительно находился там, а причиной разгоревшегося пламени действительно стала его магия. Однако дальше слухи начинали все сильнее расходиться с тем, что произошло на самом деле.

Версию, которая наконец позволила связать события воедино, Саэлина услышала от старика, которого видела возле лавки в первый день.

Он сидел возле таверны и спорил с другим мужчиной.

— Не поджигал он ничего.

— А дом кто спалил?

— Лампу мальчишка свалил. Я своими глазами видел.

Саэлина замедлила шаг.

— А потом что?

— А потом этот дурак полез помогать.

— Помог, конечно. Половина крыши сгорела.

— Потому что не умеет он этой своей дрянью управлять.

Саэлина остановилась за углом. Вот теперь становилось действительно интересно. Позже ей удалось восстановить почти всю последовательность событий. В доме находился

ребенок, когда кто-то опрокинул масляную лампу и огонь перекинулся на занавеску. Илларион оказался ближе всех. Он увидел пламя, заметил ребенка, испугался и попытался остановить происходящее.

Вот только магия сделала обратное. Пламя взметнулось до потолка, а спустя несколько мгновений загорелись балки. Ребенка удалось вытащить, однако дом спасти уже не смогли. Никто не погиб, но деревне и этого оказалось достаточно.

Особенно потому, что магия Иллариона не была похожа на обычную.

Здесь, в прошлом, маги встречались гораздо чаще, чем во времена Саэлины. До Великого Истощения оставалось больше двух столетий, источники еще не иссякли, а дети порой рождались со способностью чувствовать силу без всяких проводников.

Однако даже тогда магия должна была подчиняться определенным правилам. Огонь создавали, воду направляли, камень заставляли двигаться. Сила Иллариона, судя по рассказам, не подчинялась ничему из этого. Она словно спала и пробуждалась в самые неожиданные моменты.

Саэлина задумалась над этим и в следующие часы стала наблюдать еще внимательнее. Вскоре она заметила кое-что важное: Илларион вообще никогда не пользовался магией, даже в тех случаях, когда это значительно упростило бы ему жизнь.

Когда тяжелый ящик с деревом упал возле лавки, он да-

же не попытался поднять его силой и вместо этого подтащил руками. Когда ветер сорвал ткань с навеса, Илларион, ругаясь, полез закреплять ее сам. Когда одна из игрушек закатилась под крыльцо, он опустился на колени и долго пытался достать ее рукой.

За два дня Саэлина не увидела ни одного, даже самого незначительного проявления силы.

Будущий Враг Мира добровольно отказался от магии. Она сидела за своим деревом и смотрела, как он строгаёт очередной кусок дерева. Теперь это уже переставало быть смешным и превращалось в проблему.

Саэлина достала из кармана украденное яблоко и откусила. Ей нужен был человек, который однажды поставит на колени королевства, а вместо него она нашла хромого мастера игрушек, которого недолюбливала половина деревни и который боялся собственной магии.

Хуже того, Саэлина начинала понимать, почему он ее боялся.

Сила проявилась не тогда, когда Илларион разозлился, не тогда, когда ему угрожали и даже не тогда, когда он сам оказался в опасности. Она появилась в тот момент, когда опасность угрожала кому-то другому и он отчаянно хотел предотвратить происходящее.

Саэлина медленно перестала жевать. Вот это уже было полезно. Триггером были не страх и не гнев, а желание спасти. Она посмотрела на Иллариона, который сидел на своей ска-

мье, склонившись над игрушкой. Мимо прошли трое молодых мужчин. Один что-то сказал остальным, после чего все трое засмеялись.

Илларион услышал их. Это было видно по тому, как на секунду остановился нож в его руке, однако головы он не поднял. Мужчины прошли дальше.

Саэлина проводила их взглядом.

Она уже видела этих троих вчера. Один намеренно задел Иллариона плечом возле пекарни, а другой передразнил его походку. Илларион не ответил тогда и не ответил сейчас. Похоже, дело было вовсе не в том, что он не мог дать отпор. Саэлина начинала подозревать, что он просто не хотел создавать ситуацию, в которой снова мог потерять контроль.

Она прислонилась спиной к дереву и мысленно подвела итог наблюдениям.

Илларион был слаб физически, деревня относилась к нему настороженно, а несколько местных жителей откровенно издевались над ним. При этом он обладал силой, которую не понимал и которой боялся настолько, что, судя по всему, решил больше никогда ею не пользоваться.

Несмотря на все это, он продолжал помогать тем самым людям, которые его сторонились.

Саэлина посмотрела на него почти с раздражением. Ну конечно. Из всех возможных версий Врага Мира ей досталась именно эта. Зато теперь она хотя бы понимала, с чем имеет дело.

Иллариона нельзя было подтолкнуть к использованию силы страхом за собственную жизнь. Угрозы тоже вряд ли сработают. Если Саэлина хотела увидеть его магию, ей следовало создать ситуацию, в которой он сам решит, что бездействие опаснее применения силы.

На ее губах медленно появилась улыбка.

Три дня наблюдений наконец принесли что-то полезное. Теперь она знала его слабость, и самое забавное заключалось в том, что слабостью Иллариона оказалась вовсе не хромая нога, не страх, не одиночество и даже не магия.

Слабостью Иллариона были другие люди, а с людьми Саэлина всегда умела работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.